

ФИЛОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 81-42

Дискурсивный потенциал неполных предложений в повести «Яр» (на примере авторского повествования)

Елена Владимировна Логачева

Рязанский государственный медицинский университет им. акад. И.П. Павлова
г. Рязань, Российская Федерация, logacheva81@gmail.com

Аннотация. В статье на материале повести С.А. Есенина «Яр» анализируются неполные предложения в авторской монологической речи. Рассматриваются основные типы структур с вербально непредставленными компонентами в авторском нарративе: с редуцированным подлежащим, сказуемым, дополнением, а также неполные авторские ремарки в составе предложений с прямой речью. Выявляются семантические и стилистические функции данных конструкций: акцентирование действия, создание динамизма повествования, передача эмоциональной напряжённости, эффект недосказанности. Отдельное внимание уделяется явлению синтаксической омонимии и переходным случаям между неполными двусоставными и односоставными неопределённо-личными предложениями. Делается вывод о том, что намеренное опущение подлежащего становится одной из характерных черт идиостиля Есенина-прозаика.

Ключевые слова: неполное предложение, авторское повествование, идиостиль, С.А. Есенин, повесть «Яр», синтаксис, редукция, экспрессивность

Для цитирования: Логачева Е.В. Дискурсивный потенциал неполных предложений в повести «Яр» (на примере авторского повествования) // Русская филология и национальная культура. 2026. №1(18). С. 21-29. Доступно по ссылке: <https://filolog-rgu.ru/wp-content/uploads/st03-2026.pdf>

Original article
УДК 81-42

Discursive Potential of Incomplete Sentences in the Novel *Yar* (a case study of the author's narration)

E.V. Logacheva

Ryazan State Medical University named after Academician I.P. Pavlov
Ryazan, Russian Federation, logacheva81@gmail.com

Abstract. The article analyzes incomplete sentences in the author's monologic speech based on the material of S.A. Yesenin's novel *Yar*. The main types of structures with verbally unrepresented components are examined: those with a reduced subject, predicate, object, as well as incomplete authorial remarks within sentences with direct speech. The semantic and stylistic functions of these constructions are identified: highlighting action, creating narrative dynamism, conveying emotional tension, and producing an effect of understatement. Special attention is paid to the phenomenon of syntactic homonymy and transitional cases between incomplete two-member sentences and one-member indefinitely personal sentences. It is concluded that the deliberate omission of the subject becomes one of the characteristic features of Yesenin's prose idiolect.

Key words: incomplete sentence, authorial narration, idiolect, S.A. Yesenin, novel *Yar*, syntax, reduction, expressiveness

Введение

Проза С.А. Есенина долгое время оставалась в тени его поэтического наследия, однако именно в ней аккумулируются многие черты его индивидуального стиля. Повесть «Яр» представляет собой интереснейший материал для исследования синтаксических особенностей есенинской прозы, в частности, явления синтаксической неполноты. Неполные предложения, традиционно рассматриваемые в лингвистике как контекстуально обусловленные структуры с вербально непредставленными, но семантически восстанавливаемыми членами, у Есенина приобретают особую эстетическую и смысловую нагрузку. Отсутствие специальных работ по данной проблематике в есениноведении определяет актуальность и научную значимость её изучения.

Цель настоящей работы – выявить и охарактеризовать основные типы неполных предложений в авторской речи повести «Яр», определить их структурные особенности и функции в организации художественного текста.

Исследование опирается на теоретические положения, разработанные в трудах ведущих лингвистов по проблеме неполноты предложения и анализу подобных конструкций в художественной литературе, а также на методы сравнительного анализа, направленные на выявление структурно-семантических характеристик текста.

Вопрос о неполных предложениях остаётся одним из наиболее дискуссионных в современном синтаксисе [см.: 11, с. 92-95]. Отсутствие единых критериев квалификации, размытость границ между структурно неполными, эллиптическими и односоставными конструкциями, а также разнообразие подходов к их классификации создают значительные трудности при интерпретации текста.

В ходе анализа произведения, вслед за рядом учёных (И.Ф. Вардуль [5], А.П. Сковородников [10], В.В. Бабайцева [1], Н.С. Валгина [4], П.А. Лекант [8; 9], Т.А. Стародубова [12]), мы придерживались точки зрения, согласно которой неполные и эллиптические конструкции представляют собой разные синтаксические явления. При классификации и типологии неполных предложений за основу были взяты классификации, предложенные в трудах Н.С. Валгиной [3], П.А. Леканта [8] и А.А. Чувакина [13].

Основная часть

Согласно проведённому анализу, доля синтаксических конструкций с неполной реализацией структурной схемы в повести «Яр» составляет 27% от общего объёма предложений. В количественный подсчёт включались: 1) простые предложения в монологической и диалогической речи; 2) части сложных синтаксических конструкций с лексически невыраженным главным или второстепенным членом.

Объектом описания в данной статье стали собственно авторское повествование и авторские ремарки в диалогах как часть повествовательного дискурса.

Количество конструкций с вербально не представленными элементами в авторской речи составляет 228 единиц (37% всех неполных предложений в тексте). Нами отмечены случаи опущения подлежащего, сказуемого, обоих главных членов и облигаторного дополнения.

1. Наиболее многочисленную группу в авторской речи повести составляют конструкции с редуцированным **подлежащим** при наличии глагольного сказуемого (более 98%). Как справедливо отмечает П.А. Лекант, неполносоставные предложения с опущенным подлежащим являются наиболее употребительными среди контекстуально неполных предложений [8, с. 227]. Показателем неполноты в таких случаях выступает словесно выраженный глагол-сказуемое (одиночный или с распространителями). Наиболее частотной в повести является ситуация, при которой редуцированное подлежащее отсылает к субъекту действия, уже представленному в предшествующем контексте: *«Тоскует Наталья, – думал он, – не успокоить ей своей души. Пожалуй, помрет дома-то» / Помаленьку стала собираться. Затыкала в стенку веретена свои, скомкала шерсть на кудели и привесила с донцем у бруса* [7, с. 60]. Пропуск субъекта здесь мотивирован двумя факторами: принципом речевой экономии и усилением смысловой нагрузки глагола в повествовании. Поэт сознательно отказывается от использования личного местоимения 3-го лица в позиции подлежащего, следующего за полным предложением, хотя его присутствие не создавало бы избыточности.

Специфической чертой неполносоставных синтаксических единиц в повести выступает неконтактное размещение репрезентированного и редуцированного субъектов. Между ними могут вклиниваться предложения с другими семантическими субъектами:

Филипп поднял было на приклад, но пожалел наскреб.

В застывшей сини клубилась снежная сыворотка. Месяц в облаке качался, как на подвесках. Самец потянул в себя изморозь и, поджав хвост, сплетаясь с корягами, нырнул в чашу.

Вскинул берданку и поплелся домой [7, с. 9].

Элиминация подлежащего в синтаксических единицах, следующих за полным предложением, является частотным явлением в повести и может быть признана характерной чертой авторского синтаксиса. В отдельных случаях субъект, впервые названный в первом предложении фрагмента, затем не получает вербального выражения на протяжении нескольких абзацев. Неполные предложения при этом не следуют непосредственно друг за другом, а прерываются другими монологическими или диалогическими отрезками текста. Такие отрывки можно найти на страницах 114, 117, 120, 127, 130 и др. пятого тома Полного собрания сочинений С.А. Есенина [7].

Согласно лингвистическим исследованиям, опущение подлежащего в речи автора носит стилистически мотивированный характер и служит инструментом акцентуации ключевых смыслов текста. Этот приём усиливает динамизм повествования. Таким образом, его основное назначение определяется как «эмоционально оценочная функция с акцентом на действии» [2, с. 76].

В повести создаются условия для концентрации конструкций с имплицитным подлежащим. Есенин использует цепочки неполных предложений для передачи динамики событий и эмоционального состояния персонажей. Наибольшая плотность бесподлежащих глагольных единиц наблюдается в ключевые, критические моменты повествования: когда Лимпида узнаёт о своей беременности, когда готовит и принимает яд, когда Филипп обнаруживает тело сестры и др. В этих фрагментах акцент полностью переносится на действие, что влечёт за собой аккумуляцию глагольных форм. Например:

– Отравилась!.. – крикнул, как журавль перед смертью, и побежал к колодезю за холодной водой.

Поливал ей на грудь, пальцем разжимал стиснутые зубы.

Холодел.

Склонившись на колени, закрылся руками и заголосил по-бабьему.

– Ой, не ходила бы девка до мельника, не развивала бы свою кудрявую косу, не выскакивала бы в одной сорочке по ночам, не теряла бы ты девичью честь.

Ползал, подымал осколки чашки и подносил к носу [7, с. 143-144].

Особую сложность представляет квалификация конструкций со сказуемым во множественном числе прошедшего времени. Указанная форма глагола способствует возникновению синтаксической омонимии: она характерна как для полных неопределённо-личных, так и для неполных двусоставных предложений.

Одним из важных критериев разграничения выступает степень спаянности действия с его конкретным производителем. В односоставных неопределённо-личных предложениях «значение глагольной формы как бы <...> отвлечено от конкретизации носителя действия» [6, с. 108], тогда как в неполных двусоставных субъект действия назван в ближайшем предшествующем контексте.

В повести встречаются как контактные, так и дистантные случаи. При дистантном расположении идентификация предложений затруднена, и некоторые конструкции оказываются в зоне переходности. Интересным для рассмотрения представляется следующий отрывок: *Тяжба с помещиком затянулась, и на суде крестьянам отказали. <...> Шли с открытыми головами к церковному старосте и просили от церкви ключи. Сами порешили с пеньем и хоругвями обойти село* [7, с. 104-105]. Большинство предложений со сказуемыми в форме прошедшего времени множественного числа здесь можно идентифицировать как имеющие признаки неполноты или находящиеся в зоне переходности. Предикаты в той или иной степени связаны с субъектами действия, определяемыми по контексту. Однако одна из центральных синтаксических единиц отрывка (*Стадо пригнали с луга домой; от ящюра снадобьем аптешиника коровам мазали языки и горла*) с трудом идентифицируется как неполное предложение из-за появления в промежуточном контексте другого возможного субъекта («бабы»), что позволяет трактовать его как односоставное неопределённо-личное.

В повести «Яр» зафиксировано 20 сложных предложений, содержащих одну или несколько частей с эллиптированным подлежащим. Данная группа составляет немногим более 3% от общего числа неполных единиц в тексте. В 50% случаев неполнота частей обусловлена правилами их построения и является конструктивным свойством. Особенно это характерно для сложноподчинённых предложений с придаточными изъяснительными и определительными: *На Фоминой неделе Афонюшка позвал Карева на долину и показал место, где задумал строить церковь* [7, с. 40].

В ряде случаев в повести зафиксированы сложносочинённые и сложноподчинённые предложения, во второй части которых употреблена грамматически немотивированная форма сказуемого. В первой части таких конструкций отсутствует субъект, который мог бы «подсказывать» форму сказуемого во второй; она определяется лишь более широким контекстом. В силу этого устранение подлежащего в неполных компонентах воспринимается несколько неестественным. Однако Есенин, фокусируясь на действии, сознательно избегает вербального обозначения субъекта. Например: *Просинья, спрятавшись за шалаш, позвала народ, и, сквозь дырочки, стали смотреть...* [7, с. 80]; *Филипп ухватился за окосье, и стали перебираться руками* [7, с. 75].

2. Предложения, характеризующиеся редуцией **сказуемого**, зафиксированы лишь дважды. В первом случае пропуск компенсируется структурным параллелизмом: *Жених поехал с попом, а невеста – с крестной матерью* [7, с. 18]. В другом – восстанавливается из контекста диалога: –

Проехали, – свистнул чуть слышно Филипп, толкая соседа. – Трое, кажись, проскакали. / Впереди всех без куртуза пристав [7, с. 109].

3. Синтаксические единицы, в которых **оба главных члена** не получают вербального выражения, не являются типичными для повести. В тексте зафиксирован единственный пример, демонстрирующий черты несобственно-прямой речи: *Тихий гуд от воды оглушился криками, и выскочившая на берег корова задрала хвост, вскачь бросилась бежать на гору. / Невод потащили, и суматошно все тыкались посмотреть... Тут ли? [7, с. 86].*

4. Квалификация предложений с элиминированными **второстепенными членами** требует разграничения облигаторных и факультативных компонентов на уровне предложения и словосочетания. Так как данный вопрос в лингвистике окончательно не решён, отметим лишь отдельные случаи подобной неполноты.

Ряд исследователей сходятся на том, что отсутствие прямого дополнения, восстанавливаемого из контекста, следует квалифицировать как неполноту предложения, поскольку подчиняющие члены «в некоторых случаях обязательно нуждаются в подчинённых» [1, с. 128].

В авторской речи указанные конструкции составляют 0,5% от всех неполных синтаксических единиц. О пропуске необходимого по структуре дополнения свидетельствуют глагольные сказуемые: *Филипп обернулся к окну и отворил (что?) [7, с. 99]; Карев вскочил и протер глаза. Во рту у него было плохо от вчерашней выпивки, он достал чайник и стал полоскать (что?) [7, с. 75].*

5. Единственный случай опущения сразу **нескольких членов предложения** представлен следующим фрагментом: *Карев прикинул окосьем уже разделенную им со стариком луговину и отмерил себе семь, а старику – три; потом он стал на затирку и, повесив на обух косы и фуражку, поднял ее [7, с. 76].* В первой и второй частях сложного синтаксического целого при числительных семь и три отсутствуют управляемые существительные в функции дополнений. Помимо этого, во второй части конструкции редуцированы подлежащее и сказуемое.

Синтаксические единицы с неполными авторскими ремарками в составе предложений с прямой речью составляют 57 единиц (более 9% от общего числа неполных предложений). Редукции здесь подвергается исключительно позиция **подлежащего**.

В одних случаях (5 языковых фактов) неполнота мотивирована лишь необходимостью обозначения смены говорящих лиц (часто с глаголом *говорить* в «рассказах в рассказе»): *«Упал, – говорит, – я как будто с неба на землю...» [7, с. 90]; Бабка налила в полоник воды и бросила туда из жаровни засопевшие угли. <...>*

Достала из сумочки, пришитой к крестовому гайтану, три камешка и, посушив их, кинула в воду.

– Помрет, – сказала. – Не жилец на белом свету [7, с. 127].

Авторские комментарии, как показывают наблюдения, соседствуют с другими неполными предложениями (монологическими и диалогическими). Отсутствие субъекта действия способствует нагнетанию напряжённости и

переключает фокус читательского восприятия с производителя действия на само действие и развитие событий.

В других случаях (40 синтаксических единиц) автор намеренно опускает подлежащее, подчёркивая, что говорящий очевиден, а внимание должно быть сосредоточено на характере высказывания, эмоциях, сопутствующих действиях: *Страхнув солому, она обернулась к нему лицом и растегнула петли. / – Закуривай, – оттопырила на красной подкладке полы и громко засмеялась* [7, с. 32]; *Хозяйка начала рассказывать, как вытащили Анну из воды. / – Отец ты мой родной, – приговаривала, пришепывая губами. – Как положили два гроба-то рядом, инда сердце кровью обливалось* [7, с. 135].

Стандартная структура подобных поясняющих конструкций включает глагол речи или восприятия (нередко с развёрнутыми распространителями) и следующее за ним подлежащее, называющее говорящего. Есенин отступает от этой модели, опуская подлежащее. Тем самым он даёт понять, что субъект речи контекстуально очевиден, а вербального выражения требуют лишь способ произнесения, громкость, эмоциональный тон высказывания и сопутствующие действия. Возникает эффект смысловой неполноты и фрагментарности высказывания, а также наблюдается ускорение темпоритма передачи информации.

Показательным, на наш взгляд, для понимания эстетики есенинской неполноты является фрагмент, посвящённый Наталье – матери Карева (сцена убийства странницы [7, с. 112-115]). На протяжении трёх страниц автор ни разу не называет героиню по имени. Содержательная недосказанность дополняется синтаксической неполнотой. Из 12 предикативных частей зачина 6 имеют незамещённые позиции подлежащего. Всего в отрывке насчитывается 18 предложений с редуцированным подлежащим, при этом 12 из них представляют собой авторские комментарии при прямой речи. Например: *Ни сумы, ни сапог, ни поясов кожаных», – гудит в ушах. – Тетенька, – будит прикурнувшую побирушку, – встань, тетенька* [7, с. 114]; *Побирушка, зажав палку, прыгнула, как кошка. – У-у-у, – зацелкала зубами* [7, с. 115]. Наталья умирает неузнанной и безымянной. В этом, вероятно, заключается авторский замысел: с помощью синтаксической редукции создать обобщённый образ трагической судьбы, нередкой среди русских скитальцев и странников.

Заключение

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что в авторской речи повести С.А. Есенина «Яр» неполные предложения являются не случайным отклонением от нормы, а осознанным стилистическим приёмом. Основные функции этих конструкций: акцентирование действия при одновременной редукции его субъекта; создание динамизма и напряжённости повествования, особенно в кульминационных сценах; эффект недосказанности, заставляющий читателя активнее включаться в процесс интерпретации текста.

Есенин последовательно избегает избыточного употребления личных местоимений, предпочитая «чистое» действие. Это сближает его прозу с поэтическим мышлением, где каждый элемент несёт максимальную смысловую

нагрузку. Изучение синтаксической неполноты в «Яре» открывает новые перспективы для исследования идиостиля Есенина-прозаика, который ещё ждёт своего полноценного осмысления.

Список источников

1. Бабайцева В.В., Максимов Л.Ю. Современный русский язык. В 3 частях. Ч. 3 Синтаксис. Пунктуация. Москва: Просвещение, 1987. 256 с.
2. Баранник Е.Ю. Роль и характер неполных предложений в контексте исследований языковой картины мира Павла Загребельного // Картина мира через призму китайской и белорусской культур: сборник статей международной научно-практической конференции, Минск, 14 декабря 2018 г. Минск: БГАТУ, 2019. С. 75–80.
3. Валгина Н.С. Современный русский язык: Синтаксис: учебник. Москва: Высшая школа, 2003. 416 с.
4. Валгина Н.С., Розенталь Д.Э., Фомина М.И. Современный русский язык: учебник. 6-е изд., перераб. и доп. Москва: Логос, 2002. 528 с.
5. Вардунь И.Ф. К вопросу о явлении эллипсиса // Инвариантные синтаксические значения и структуры предложения. Москва: Наука, 1969. С. 59–70.
6. Василенко С.В. О разграничении неполных и односоставных предложений // Достижения вузовской науки: сборник материалов XXIX Международной научно-практической конференции. Новосибирск: Общество с ограниченной ответственностью «Центр развития научного сотрудничества», 2017. С. 106–111.
7. Есенин С.А. Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 5. Проза / Гл. ред. Ю.Л. Прокушев. Москва: Наука; Голос, 1997. 560 с.
8. Лекант П.А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке: учебное пособие. Москва: Высшая школа, 2004. 247 с.
9. Лекант П.А. Современный русский язык. Синтаксис: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. Москва: Издательский центр «Академия», 2010. 256 с.
10. Сковородников А.П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка. Томск: Изд-во Томского университета, 1981. 256 с.
11. Современный русский язык в 3-х т. Том 3. Синтаксис: учебник и практикум для академического бакалавриата / С.М. Колесникова, Н.А. Николина, В.А. Лаврентьев и др. Москва: Юрайт, 2020. 301 с.
12. Стародубова Т.А. Эллиптические сложные предложения: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Стародубова Татьяна Анатольевна. Москва, 2009. 48 с.
13. Чувакин А.А. О структурной классификации неполных предложений // Филологические науки. 1974. № 5. С. 104–108.

References

1. Babaytseva V.V., Maksimov L.Yu. *Sovremennyy russkiy yazyk. V 3 chastyakh. Ch. 3 Sintaksis. Puntuatsiya* [Modern Russian Language. In 3 Parts. Part 3 Syntax. Punctuation]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1987. 256 p. (In Russ.)
2. Barannik E.Yu. *Rol' i kharakter nepolnykh predlozheniy v kontekste issledovaniy yazykovoy kartiny mira Pavla Zagrebel'nogo* [The Role and Nature of Incomplete Sentences in the Context of Studies of Pavel Zagrebelny's Linguistic Worldview]. In: *Kartina mira cherez prizmu kitayskoy i belorusskoy kul'tur: sbornik statey mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [The Worldview through the Prism of Chinese and Belarusian Cultures: Collection of Articles of the International Scientific and Practical Conference]. Minsk, BGATU Publ., 2019, pp. 75–80. (In Russ.)

3. Valgina N.S. *Sovremennyy russkiy yazyk: Sintaksis* [Modern Russian Language: Syntax]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2003. 416 p. (In Russ.)
4. Valgina N.S., Rozental' D.E., Fomina M.I. *Sovremennyy russkiy yazyk* [Modern Russian Language]. 6th ed. Moscow, Logos Publ., 2002. 528 p. (In Russ.)
5. Vardul' I.F. *K voprosu o yavlenii ellipsis* [On the Phenomenon of Ellipsis]. In: *Invariantnyye sintaksicheskiye znacheniya i struktury predlozheniya* [Invariant Syntactic Meanings and Sentence Structures]. Moscow, Nauka Publ., 1969, pp. 59–70. (In Russ.)
6. Vasilenko S.V. *O razgranichenii nepolnykh i odnosostavnykh predlozheniy* [On the Distinction between Incomplete and One-Member Sentences]. In: *Dostizheniya vuzovskoy nauki: sbornik materialov XXIX Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Achievements of University Science: Collection of Materials of the 29th International Scientific and Practical Conference]. Novosibirsk, Tsentr razvitiya nauchnogo sotrudnichestva Publ., 2017, pp. 106–111. (In Russ.)
7. Yesenin S.A. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 7 t. T. 5. Proza* [Complete Works: in 7 vols. Vol. 5. Prose]. Ed. by Yu.L. Prokushev. Moscow, Nauka, Golos Publ., 1997. 560 p. (In Russ.)
8. Lekant P.A. *Sintaksis prostogo predlozheniya v sovremennom russkom yazyke* [Syntax of the Simple Sentence in Modern Russian]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2004. 247 p. (In Russ.)
9. Lekant P.A. *Sovremennyy russkiy yazyk. Sintaksis* [Modern Russian Language. Syntax]. Moscow, Akademiya Publ., 2010. 256 p. (In Russ.)
10. Skovorodnikov A.P. *Ekspressivnyye sintaksicheskiye konstruktzii sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Expressive Syntactic Constructions of Modern Russian Literary Language]. Tomsk, Tomsk University Publ., 1981. 256 p. (In Russ.)
11. Kolesnikova S.M. (ed.). **Sovremennyy russkiy yazyk v 3-kh t. Tom 3. Sintaksis** [Modern Russian Language in 3 vols. Vol. 3. Syntax]. Moscow, Yurayt Publ., 2020. 301 p. (In Russ.)
12. Starodubova T.A. *Ellipticheskiye slozhnyye predlozheniya: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Elliptic Complex Sentences: Abstract of the PhD Thesis]. Moscow, 2009. 48 p. (In Russ.)
13. Chuvakin A.A. *O strukturnoy klassifikatsii nepolnykh predlozheniy* [On the Structural Classification of Incomplete Sentences]. *Filologicheskiye nauki* [Philological Sciences]. 1974, no. 5, pp. 104–108. (In Russ.)

Информация об авторе

Логачева Елена Владимировна, преподаватель кафедры иностранных языков с курсом русского языка ФГБОУ ВО РязГМУ им. акад. И.П. Павлова.
e-mail: logacheva81@gmail.com

Information about the author

Logacheva Elena Vladimirovna, Lecturer at the Department of Foreign Languages with a Course of Russian, Ryazan State Medical University named after Academician I.P. Pavlov.
e-mail: logacheva81@gmail.com

Дата поступления статьи: 13.02.2026